

Ливий Тит

История народа римского

Том 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т45

Т45 **Тит Л.**
История народа римского: Том 5 / Ливий Тит – М.: Книга по Требованию, 2024. – 483 с.

ISBN 978-5-519-93444-2

ISBN 978-5-519-93444-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КНИГА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

1. Между тѣмъ какъ въ Римѣ совершалось (если только именно въ этомъ году) то, что нами описано выше, оба консула вели войну въ землѣ Лигуровъ. Врагъ этотъ, какъ бы отъ природы, назначенъ былъ, въ промежуткѣ значительныхъ войнъ, поддерживать у Римлянъ военную дисциплину; ни одна другая провинція не содѣйствовала болѣе къ развитію у воиновъ доблести. Азія — и городскими веселостями, и обиліемъ произведеній земли и моря, изнѣженностью непріятелей и царскими богатствами скорѣе дѣлала наши войска богаче, чѣмъ храбрѣе. Въ особенности, подѣ начальствомъ Кн. Манлія, содержимы были воины небрежно и черезъ чуръ свободно. А потому нѣсколько затруднительный путь во Эракіи и болѣе опытный врагъ хорошимъ урокомъ ихъ поучили. А въ землѣ Лигуровъ было все, необходимое для возбужденія дѣятельности воиновъ: мѣстность гористая и дикая, какую и самимъ занять не легко было и еще труднѣе сбросить непріятеля съ нея, если онъ за-сѣлъ тамъ ранѣе. Дороги крутыя, узкія, гдѣ легко и часто подвергаться нападеніямъ изъ за угла. Непріятель легко поворотливъ, быстръ и появляется вдругъ; отъ него ни въ какое время, и ни въ какомъ мѣстѣ, нельзя было себя считать вполне спокойнымъ или безопаснымъ. Необходимо было брать приступомъ укрѣпленные замки, предпріятіе сопряженное вмѣстѣ и съ трудомъ и съ опасностями. Бѣдность страны пріучала воиновъ къ умѣренности, доставляя немного добычи. А потому за войскомъ не тянулись торгаши (маркитанты), и длинный рядъ व्यючныхъ животныхъ не придавалъ военному строю излишняго растяженія, не было ничего кромѣ оружія и людей, полагав-

шихъ всю надежду на оружіе. Да и съ ними никогда не было недостатка ни въ самыхъ военныхъ дѣйствіяхъ, ни въ предлогѣ къ нимъ: чувствуя постоянно у себя нужду дома, они производили набѣги на сосѣднія поля, но, впрочемъ, никогда не доходило дѣло до рѣшительнаго сраженія.

2. Консулъ К. Фламиній, послѣ многихъ, увѣнчанныхъ успѣхомъ, сраженій съ Фриніатскими Лигурами, принялъ покорность этого народа и отнялъ оружіе. Выдаваемо было оно не чисто-сердечно и, будучи наказываемы за это, они побросали свои поселки и удалились на гору Авгинъ; консулъ сталъ ихъ немедленно преслѣдовать: они снова пустились бѣжать и, по большей части безоружные, по мѣстамъ мало доступнымъ и крутымъ скаламъ, уходили сломя голову туда, куда за ними гнаться было для ихъ непріятеля невозможно. Такимъ образомъ они ушли на ту сторону Апеннинъ, а остававшіеся въ лагерѣ были осаждены и взяты. Вслѣдъ за тѣмъ легіоны поведены чрезъ Апеннины. Тутъ Лигуры нѣкоторое время находили защиту въ вышипѣ горы ими занятой, но не замедлили покориться. За тѣмъ произведенъ весьма старательный обыскъ оружія и все оно отобрано. Потомъ военныя дѣйствія обращены противъ Апуанскихъ Лигуровъ, производившихъ на земли Пизанскія и Бононскія набѣги столь частые, что обработываніе ихъ сдѣлалось невозможнымъ. По усмиреніи и этихъ Лигуровъ консулъ водворилъ спокойствіе у ихъ сосѣдей. И такъ какъ онъ совершенно умиротворилъ свою провинцію, то, дабы войны не оставались праздными, дорогу изъ Бононіи провелъ въ Аррецій. Другой консулъ М. Емилий поля Лигуровъ и ихъ поселки, находившіеся въ поляхъ или горныхъ долинахъ — а сами Лигуры заняли двѣ горы Балисту и Суисмонтъ — опустошилъ огнемъ и мечемъ. Потомъ онъ приступилъ къ находившимся на горахъ и сначала утомилъ ихъ легкими стычками, наконецъ вынужденныхъ спуститься въ равнину, разбилъ въ правильномъ бою; тутъ то онъ далъ обѣтъ воздвигнуть храмъ Діаны. Покоривъ все по сую сторону Апеннинъ, Емилий атаковалъ жителей противуположнаго склона (между прочимъ тутъ были и Фриніат-

скіе Лигуры, до которыхъ не касался К. Фламиній) всѣхъ ихъ покорилъ, оружіе отобралъ и съ горъ въ поля свелъ массу населенія. По умирненіи Лигуровъ повелъ онъ войско въ Галльскія земли и дорогу отъ Плаценціи, для соединенія съ Фламиніевою, провелъ въ Ариминъ. Въ послѣднемъ сраженіи съ Лигурами, происшедшемъ въ открытомъ полѣ, онъ далъ обѣтъ воздвигнуть храмъ Юноны Царицы. Вотъ что въ этомъ году совершено въ землѣ Лигуровъ.

3. Въ Галліи М. Фурій преторъ, безъ всякой вины Ценомановъ, въ мирное время отыскивая поводъ къ войнѣ, отнялъ оружіе. На это Ценоманы принесли въ Римъ сенату жалобу; будучи отосланы къ консулу Емилию—ему сенатъ поручилъ изслѣдованіе и постановленіе объ этомъ дѣлѣ—они имѣли большое состязаніе съ преторомъ и выиграли дѣло. Преторъ получилъ приказаніе возвратить оружіе Ценоманамъ и оставить провинцію. Вслѣдъ за тѣмъ созвано собраніе сената для пословъ отъ союзниковъ Латинскаго племени; они явились во множествѣ со всѣхъ сторонъ Лаціума. Вслѣдствіе ихъ жалобы, что огромное число ихъ согражданъ переселилось въ Римъ и записалось тамъ въ цензъ, — поручено претору К. Теренцію Куллеону таковыхъ розыскивать, и о комъ союзники докажутъ, что они, при цензорахъ К. Клавдіѣ и М. Ливіѣ и бывшихъ послѣ нихъ, сами или родители ихъ записаны были у нихъ, заставить возвратиться туда, гдѣ они попали въ списокъ. По этому розысканію двѣнадцать тысячъ Латиновъ воротились домой, а уже и тогда множество иноземцовъ становилось въ тягость городу.

4. Прежде чѣмъ консуламъ возвратиться въ Римъ, М. Фульвій проконсулъ воротился изъ Этоліи. Онъ въ храмѣ Аполлона изложилъ передъ сенатомъ свои дѣйствія въ Этоліи и Кефалоніи и просилъ его — счесть за благо, вслѣдствіе его дѣйствій, счастливо и благополучно для отечества совершенныхъ, воздать надлежащія почести богамъ безсмертнымъ, а ему консулу опредѣлить триумфъ. М. Абурій, трибунъ народный, высказалъ, что онъ не допуститъ что либо рѣшить относительно этого предмета впредь до прибытія консула М. Емилиа: «который

имѣть противъ этого сказать. Отправляясь въ провинцію, онъ ему трибуну далъ порученіе, чтобы разсужденіе объ этомъ оставалось непочатымъ до его прибытія. Фульвій напрасно тратитъ время, а сенатъ и въ присутствіи консула составитъ опредѣленіе, какое заблагоразсудить.» М. Фульвій на это замѣтилъ: «если бы не было достаточно извѣстны всѣмъ—и непріязненные его съ М. Емилиемъ отношенія и то, съ какою онъ не умѣренностью и произволомъ почти царскимъ, высказываетъ свою вражду; то и тутъ невозможно было бы допустить, чтобы консулъ заочно могъ служить препятствіемъ и къ возданію почести богамъ безсмертнымъ и замедлить должный ему триумфъ. Полководецъ, честно совершилъ свое дѣло, и побѣдоносное войско съ добычею и плѣнными будетъ стоять передъ воротами города, пока заблагоразсудится консулу, именно потому замедляющему, возвратиться въ Римъ. Впрочемъ, когда непріятности его съ консуломъ до такой степени извѣстны, чего справедливаго можно ждать отъ того человѣка, который украдкою составленный при малочисленности сенаторовъ декретъ, внесъ въ казнохранилище? Опредѣлено: считать Амбракію взятою не силою, а между тѣмъ противъ нея дѣйствовали насыщью и осадными работами, и когда онъ сдѣлались жертвою огня, то произведены вновь; тамъ вокругъ стѣнъ и по верхъ земли, и въ ея нѣдрахъ сражались въ продолженіи пятнадцати дней; гдѣ съ разсвѣта, когда войны перебрались черезъ стѣны, и до ночи продолжалось долго упорное и нерѣшительное сраженіе, въ которомъ пало болѣе трехъ тысячъ непріятелей. Относительно храмовъ боговъ безсмертныхъ, ограбленныхъ при взятіи города, что за клевету внесъ онъ къ первосвященникамъ? Если не находили ничего возмутительнаго въ томъ, чтобы украшать городъ достояніемъ Сиракузъ и другихъ взятыхъ городовъ, почему же къ одной Амбракіи, взятой также точно, не примѣняется право войны? Онъ и умоляетъ сенаторовъ и трибуна просить—не допустить его быть игрушкою злѣйшаго недруга».

5. Тутъ всѣ обратились къ трибуну и одни его просили,

а другіе упрекали; особенно сильное впечатлѣніе произвела рѣчь Гракха: «и свою личную непріятность обнаруживать при отправленіи должности не хорошо; а быть трибуну народному орудіемъ чуждой вражды — гнусно и несообразно ни съ достоинствомъ этого коллегія, ни съ священными законами. По своему собственному разсужденію каждый человѣкъ долженъ и любить, и ненавидѣть, а также высказывать свое одобреніе или неодобреніе; а не ставить себя въ зависимость отъ выраженія чужаго лица, или движенія, не волноваться нисколько чувствами другаго; трибуну не слѣдуетъ дѣйствовать за одно съ раздраженнымъ консуломъ или имѣть въ памяти частныя порученія Емілія, забывъ, что онъ санъ трибуна получилъ отъ народа Римскаго и что его назначеніе быть заступникомъ правъ свободы частныхъ лицъ, а не власти консульской, переходящей въ царскую. Не замѣчаетъ-ли онъ того, что вмѣстѣ будетъ передано и памяти людей и потомству, что въ одномъ и томъ же коллегіи, одинъ изъ двухъ трибуновъ народныхъ для общественнаго блага забылъ свою личную вражду, а другой былъ орудіемъ чуждой ему и навязанной». Уступая такимъ упрекамъ, трибунъ вышелъ изъ храма, и, по докладу Сер. Сульпиція, опредѣленъ триумфъ. Высказавъ свою признательность сенаторамъ, М. Фульвій присовокупилъ: «что онъ далъ обѣтъ отпраздновать большія игры Юпитеру Великому и Всеблагому въ тотъ день, въ который возьметъ Амбракію: на этотъ предметъ города пожертвовали ему сто фунтовъ золота; просить, чтобы изъ денегъ, которыя онъ, послѣ несенія въ триумфъ, положить въ общественную сокровищницу, повелѣли отдѣлить вышеупомянутое количество золота». Сенатъ повелѣлъ спросить совѣта у коллегія первосвященниковъ: все-ли это золото необходимо истратить на игры? Первосвященники отвѣтили, что до религіи не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія—съ какими издержками будутъ совершены игры. Сенатъ предоставилъ Фульвію размѣръ издержекъ, лишь бы только они не превосходили сумму восьмидесяти талантовъ. Фульвій положилъ было имѣть торжественный въѣздъ въ Январѣ мѣсяцѣ, но услыхавъ, что консулъ М. Емілій, получивъ пись-

менное извѣстіе отъ трибуна народнаго М. Абурія объ оставленіи имъ противудѣйствія, собрался ѣхать въ Римъ самъ съ цѣлью воспрепятствовать триумфу, но на дорогѣ остановился больной, — ускорилъ день триумфа для того, чтобы не имѣть по поводу триумфа борьбы болѣе упорной, чѣмъ на войнѣ. — Триумфовалъ онъ передъ десятымъ днемъ календы Январскихъ надъ Этолами и Кефалонією. Передъ его колесницею несли золотыхъ вѣнковъ сто двѣнадцать фунтовъ, серебра—восемьдесятъ три тысячи фунтовъ; золота — двѣсти сорокъ три фунта; тетрадрахмъ Аттическихъ сто восемнадцать тысячъ; Филиппейскихъ монетъ двѣнадцать тысячъ четыреста двадцать двѣ; статуй мѣдныхъ — двѣсти восемьдесятъ пять, мраморныхъ — двѣсти тридцать; оружіе какъ оборонительное, такъ и наступательное, и остальную добычу непріятельскую въ большомъ количествѣ. Далѣе: катапулты, баллисты, орудія осадныя всякаго рода; вождей непріятельскихъ, частью Этоловъ, частью Кефалонцевъ, частью царскихъ, оставленныхъ тамъ Антіохомъ, двадцать семь. Въ этотъ день многимъ, еще прежде своего вѣзда въ городъ, М. Фульвій на Фламиніевскомъ циркѣ — трибунамъ, префектамъ, всадникамъ, сотникамъ Римскимъ и союзникамъ раздавалъ военные дары. Воинамъ изъ добычи онъ раздалъ по двадцати пяти динаріевъ, вдвое сотнику и втрое всаднику.

6. Уже приближалось время консульскихъ выборовъ. Такъ какъ на нихъ М. Емилиій — ему по жеребью досталась эта забота — поспѣть не могъ, то К. Фламиній прибылъ въ Римъ. Имъ назначены консулы Сп. Постумій Альбинъ, К. Марцій Филиппъ. Вслѣдъ за тѣмъ избраны преторами: Т. Мэній, П. Корнелій Сулла, К. Кальпурній Пизонъ, М. Лициній Лукуллъ, К. Аврелій Скавръ, Л. Квинкцій Криспинъ. Въ концѣ года, когда сановники были уже избраны, Кн. Мандій Вульсо имѣлъ передъ третьимъ днемъ Нонъ Мартовскихъ торжественный вѣздъ (триумфъ) въ городъ вслѣдствіе побѣды надъ Галлами, живущими въ Азіи. Причиною того, что его триумфъ случился такъ нескоро было то, какъ бы, въ бытность преторомъ К. Теренція Куллеона, не подпасть Петилліеву закону и не погибнуть

въ пламени чуждаго приговора, которымъ осужденъ Л. Сциціонъ. Судьи были бы еще непріязненнѣ ему, чѣмъ Сципіону, за то, что онъ, сдѣлавшись его преемникомъ, военную дисциплину, строго Сципіономъ соблюдаемую, по слухамъ развратилъ всякаго рода преступными снисхожденіями. Да ему въ упрекъ ставилось не только то одно, что по рассказамъ дѣлать онъ въ провинціи далеко отъ глазъ, но еще болѣе то, что каждый день замѣчалось въ его войскахъ. Дотолѣ чуждой намъ, роскоши проникновеніе въ городъ имѣло свое начало отъ Азіатскаго войска. Тутъ то впервые привезены были въ Римъ ложа, украшенныя мѣдью, дорогія покрывала, занавѣсы и другія тканья вещи и — въ то время вещи эти считались принадлежностью только самихъ богатыхъ домовъ — столики обѣ одной ножкѣ и буфеты. Тутъ наслажденія пиршествъ увеличились присутствіемъ пѣвицъ, арфистокъ и разныхъ фокусниковъ. На приготовленіе самихъ пиршествъ стали употреблять гораздо болѣе, чѣмъ прежде, старанія и издержекъ. Поварь, у людей старинныхъ послѣдній изъ служителей и по цѣнности, и по употребленію, началъ становиться дорогимъ, и прежнее рабское занятіе стало считаться искусствомъ. Но все то, что тогда было замѣтно, составляло едва зародышъ будущаго господства роскоши.

7. Во время торжественнаго вѣзда своего Кн. Манлій внесъ золотыхъ вѣнковъ, вѣсомъ двѣсти двѣнадцать фунтовъ; серебра вѣсомъ двѣсти двадцать тысячъ фунтовъ; золота двѣ тысячи сто три; тетрадрахмъ аттическихъ сто двадцать семь тысячъ; цистофоровъ двѣсти пятьдесятъ тысячъ; Филиппейскихъ золотыхъ монетъ шестнадцать тысячъ триста двадцать; много Галльскаго оружія и добычи всякаго рода везено было на телѣгахъ. Вождей непріятельскихъ ведено было передъ колесницею пятьдесятъ два. Воинамъ раздалъ по сорокъ два динарія, сотнику—вдвое; кромѣ того пѣхотинцу выдано двойное жалованье, а всаднику тройное. Много воиновъ изъ разныхъ рядовъ, получили военные дары и слѣдовали за колесницею. Воины, привѣтствія главному вождю стихами, высказывали въ такомъ смыслѣ, что безъ труда замѣтно было, что они относились къ начальнику честолюбивому

и снисходительному. Вообще этотъ триумфъ нравился гораздо болѣе воинамъ, чѣмъ народу. Но друзья Манлія постарались снискать ему расположеніе и этого послѣдняго; по ихъ стараніямъ состоялся сенатскій декретъ о томъ: «чтобы изъ денегъ, несенныхъ во время триумфа, суммы, пожертвованныя народомъ на жалованье воинамъ и до сихъ поръ не вполнѣ возвращенныя, были выплачены». Городскіе квесторы, съ полнымъ стараніемъ и добросовѣстностью, выплатили по двадцать четыре съ половиною асса на каждую тысячу. Въ то же время двое военныхъ трибуновъ изъ обѣихъ Испаній прибыли съ письмами К. Атинія и Л. Манлія, начальствовавшихъ въ этихъ провинціяхъ. Изъ этихъ писемъ узнали, что Целтиберы и Лузитане взяли за оружіе и опустошаютъ поля нашихъ союзниковъ. Объ этомъ предметѣ сужденіе непочатымъ оставилъ сенатъ до имѣющихъ быть вновь избранными сановниковъ. Въ этомъ году, во время празднованія Римскихъ игръ, совершаемаго П. Корнеліемъ Цетегомъ и А. Постуміемъ Альбиномъ, дурно поставленная мачта въ циркѣ упала на статую Полленціи и ее сбросила. Сенаторы, вслѣдствіе этого случая, проникнутые религіозными опасеніями, положили—прибавить одинъ день къ празднованію игръ, поставить двѣ статуи вмѣсто одной и сдѣлать новую позолоченную. Плебейскія игры эдилами К. Семпроніемъ Блезомъ и М. Фуріемъ Лускомъ, даны въ продолженіи одного дня.

8. Въ слѣдующемъ году, Сп. Постумій Альбинъ и К. Марцій Филиппъ, консулы, отъ войска и заботы о войнѣ и провинціяхъ отвлечены были преслѣдованіемъ внутренняго заговора. Преторы по жеребью распредѣлили участки: Т. Мэнію досталось судопроизводство въ городѣ, М. Лицинію Лукуллу разборъ дѣлъ между гражданами и чужестранцами, К. Аврелію Скавру Сардинія, П. Корнелію Суллѣ-Сицилія, Л. Квинцію Криспину Испанія ближняя, К. Кальпурнію Пизону—Испанія дальняя. Обоимъ консуламъ опредѣлено изслѣдованіе о тайныхъ заговорахъ. Какой то грекъ изъ самихъ простыхъ прибылъ сначала въ Етрурію; чуждъ онъ былъ всѣхъ тѣхъ искусствъ, которыя,

содѣйствуя развитію и тѣла и духа, во множествѣ введены у насъ образованнѣйшимъ изъ всѣхъ народовъ; плохенькой жрецъ и прорицатель, онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые явно совершаемыми религіозными обрядами, снискиваютъ себѣ занятіе и пропитаніе, стараясь подѣйствовать религіознымъ ужасомъ на умы черни, но былъ исполнителемъ священныхъ обрядовъ таинственныхъ и ночныхъ. Сначала допускались весьма немногіе; потомъ въ обществѣ муштинъ и женщинъ сдѣлались извѣстнѣе. Къ религіознымъ побужденіямъ присоединилось дѣйствіе вина и пиршествъ для болѣе успѣшнаго соблазна умовъ. Когда въ винѣ утопалъ разсудокъ и въ ночное время женщины были перемѣшаны съ мужчинами, изъ нихъ пѣжныя возрастомъ съ болѣе пожилыми—всякое ощущеніе стыда исчезало. Начался развратъ всякаго рода, такъ какъ каждый имѣлъ подъ руками готовое удовлетвореніе той страсти, къ которой былъ болѣе склоненъ отъ природы. И не одинъ только видъ преступленія: половыя соединенія какъ попало людей благородныхъ и женщинъ, но изъ той же мастерской исходили ложныя свидѣтельства, фальшивыя подписи подъ завѣщаніями и показаніями. Тутъ же дѣйствовалъ и ядъ, и домашнія убійства, такъ что даже перѣдко и тѣлъ не оставалось для погребенія. Много совершалось коварствомъ, а еще болѣе насилиемъ. Оно оставалось скрытымъ, такъ какъ отъ забываній, звука цимбаловъ и барабановъ голосъ жертвъ разврата и насильственной смерти, не могъ быть слышанъ.

9. Зараза этого зла, подобно прилипчивой болѣзни, изъ Этруріи проникла въ Римъ. Сначала оно скрывалось въ многолюдствѣ и обширности города, столь благопріятныхъ принятію и развитію подобныхъ болѣзней. Наконецъ консулъ Постумій узналъ о немъ преимущественно слѣдующимъ образомъ. П. Эбуцій, отецъ котораго отправлялъ военную службу на данномъ отъ государства конѣ, остался ребенкомъ; по смерти опекуновъ, воспитывался онъ подъ попечительствомъ матери своей Дуроніи и вотчима Т. Семпронія Рутила. И мать была вполне предана мужу; и онъ, управляя дѣтскимъ имѣніемъ такъ, что ужъ ни

въ какомъ случаѣ не могъ отдать въ немъ отчета, вознамѣрился или извести пасынка, или какою либо связью поставить его отъ себя въ зависимость. Какъ лучшее средство развратить его показались Бакханаліи. Мать стала убѣждать сына: «что во время его болѣзни она дала обѣтъ, какъ только онъ выздоровѣетъ, посвятить его въ таинства Вакха; благосклонностію боговъ присужденная къ обѣту, она желаетъ его исполнить. Въ продолженіи десяти дней надлежитъ ему хранить цѣломудріе, а на другой день послѣ ужина чисто омывъ его, она поведетъ его въ святилище». Въ то время большою извѣстностью пользовалась публичная женщина Гиспала Феценія, достойная лучшаго занятія, чѣмъ торговля тѣломъ; къ нему она привыкла еще бывъ дѣвчоною служанкою, а впослѣдствіи, и получивъ вольную, спискивала себѣ пропитаніе тѣмъ же. Она была сосѣдкою Эбуція и свылась съ нимъ; знакомство это не могло имѣть вредныхъ послѣдствій ни для состоянія молодого человѣка, ни для его чести. Гиспала его сама любила и волочилась за нимъ, а такъ какъ отъ своихъ родныхъ получалъ онъ самое скудное содержаніе, то и въ средствахъ жизни ему много помогала его знакомая. И до того велика была въ ней сила привычки, а можетъ быть и любви, что послѣ смерти своего патрона, не находясь уже ни отъ кого въ зависимости, она выпросила себѣ у трибуновъ и претора-попечителя и, сдѣлавъ духовное завѣщаніе, Эбуція назначила своимъ единственнымъ наслѣдникомъ.

10. При такомъ ручательствѣ взаимнаго расположенія, любовники не имѣли конечно секретовъ другъ отъ друга и шутя молодой человѣкъ говоритъ ей, чтобы она не удивлялась, если онъ нѣсколько ночей проведетъ врозь съ нею: «Дѣлается это для религіи, чтобы освободиться отъ обѣта за его здоровье даннаго—хочетъ онъ быть посвященнымъ въ таинства Вакха». Услыхавъ это, подруга его пришла въ большое смущеніе: «Да сохранятьъ тебя боги, сказала она; лучше умереть намъ обоимъ, чѣмъ допустить тебя до такого поступка! Угрозы и опасности пусть обратятся на голову тѣхъ, которые это при-